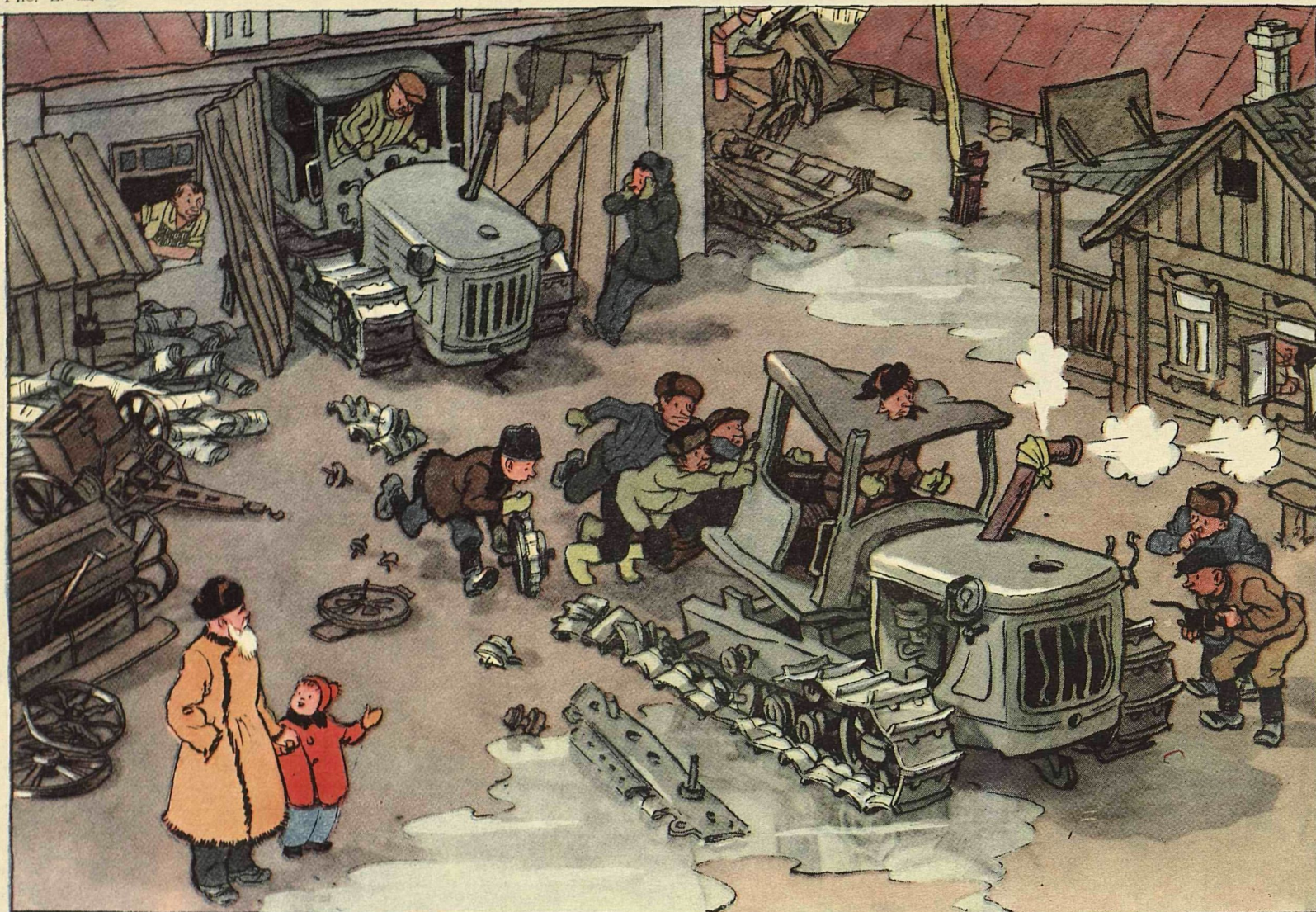

Рис. Л. БРОДАТЫ.

А. М. ГОРЬКИЙ: — Молодые люди, кончая этот институт, не забывайте и мои университеты.

К Р О К О Д И Л

— Почему тракторы так медленно двигаются?
— Потому что ремонт сделан на скорую руку.

ПО-ПРИЯТЕЛЬСКИ

«Настоящим институт извещает Вас, что, согласно плану персонального распределения молодых специалистов, в Ваше распоряжение направляется...»

Получили такую бумагу в управлении Амурской железной дороги и обрадовались. Здесь вообще радуются приезду каждого специалиста, а тем более специалиста-строителя.

Но в то время, как в управлении дороги заботливо решали вопрос о молодом специалисте Леониде Маслове, в городе Благовещенске, по улице Будённого, № 8, происходила такая сцена.

Распахнулась дверь, и на пороге появился молодой человек, что называется, кровь с молоком. Папа с мамой бросились с распростёртыми объятиями к сыну и в недоумении застыли на полпути... «Кровь с молоком» был мрачнее чёрной тучи. Он швырнул в угол чемодан, запустил туда же форменный плащ, опустился на стул и захныкал:

— Я не поеду туда!
— Куда? — ахнула мама.
— В глушь, на линию! Не поеду!
У мамы заблестели слёзы на глазах.
— Поэтому-то ты расстроился? А папа на что?

На другой же день папа (официально — начальник областного жилищного управления тов. Карнаухов) приступил, с помощью приятельских связей, к исполнению своих родительских обязанностей.

Первым бросился на выручку молодого строителя заместитель председателя облисполкома тов. Богачев. Он отправил железнодорожникам такую депешу:

«Исполнительный комитет Амурского областного совета депутатов трудящихся просит вас откомандировать в наше распоряжение для работы в аппарате инженера Маслова Л. И., окончившего Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта».

— Всё в порядке, — подмигнул тов. Богачев Карнаухову. — Отказать они не посмеют!

Но железнодорожники отказали. Тогда папа бросился за помощью к другому заместителю председателя облисполкома — тов. Лавунову.

— Отказали? — удивился тов. Лавунов. — Это что ещё за фокусы! А вы тоже хороши: «просим!» Никаких «просим!» Пусть ваш молодой человек идёт и работает начальником строительства областной больницы.

И к железнодорожникам полетела другая, официальная депеша:

«Амурский облисполком сообщает, что тов. Маслов Л. И. решением исполкома областного Совета депутатов трудящихся № 900 от 25 сентября 1952 года назначен начальником строительства областной больницы в г. Благовещенске».

Зам. председателя Амурского облисполкома П. Лавунов».

Железнодорожники не отступились. Они пожаловались и в Министерство путей сообщения и в обком партии.

«Инженер Маслов Л. И., — гласила телеграмма, — направленный путевке № 13/139, Амурскую не явился. Амурский облисполком назначил его начальником строительства областной больницы в Благовещенске без согласия дороги и МПС. Прошу ваших указаний правильное действие облисполкома, где работает отец Маслова. Дорога остро нуждается в специалистах-строителях».

И тут в облисполкоме заколебались. Первым начал бить отбой тов. Богачев:

«Управление Амурской ж. д. Тресту «Благовещенскгражданстрой» облисполкомом дано указание немедленно откомандировать инженера Маслова в ваше распоряжение».

Отступились от Леонида Маслова и в тресте «Благовещенскгражданстрой». Трест извещал дорогу:

«Приказом № 240 от 15/XII-52 г. старший прораб Маслов уволен из треста с 16/XII-52 г. на основании указания облисполкома от 6/XII-52 г. и направлен в распоряжение Амурской железной дороги».

Всё пошло своим законным чередом. Дома молодого специалиста уже ожидала телеграмма самого решительного содержания:

«Предлагаю немедленно явиться в распоряжение отдела кадров Амурской дороги».

Прочитал Маслов телеграмму и метнул огненный взгляд на притихших маму и папу.

— Ну-ну, Лёня, не волнуйся... — сказала робко мама. — Не всё потеряно. Ты ещё не знаешь своего папу!

Папа Карнаухов не заставил долго ждать себя. Он направился к своему старому другу — главному инженеру облкомхоза Абрамову. По пути забежал на телеграф и сочинил депешу:

«Управление Амурской ж. д. Маслов призван военкоматом. Карнаухов».

— Не беспокойся, помогу! — сказал Карнаухов Абрамову. — Пусть твоё чадо числится призванным на военную службу, а тем временем мы его устроим!..

И Абрамов устроил. Созвонился с друзьями-приятелями, порекомендовал им специалиста-строителя, и вновь инженер Маслов остался в городе Благовещенске под крылышком у папы и мамы.

Вот что значит приятельская выручка!

Д. ЕПИФАНОВ

г. Благовещенск.

БУМАЖНЫЙ ПАНЦЫРЬ

Панцырем, как известно, называется твёрдый покров некоторых животных. Образуются панцирные щиты в результате окостенения определённых участков кожного слоя. Бывают ещё бумажные панцири. Порой они прочнее брони и не пробиваемы никаким оружием. Вот история образования одного такого панциря.

Было солнечное майское утро. Всё вокруг ликовало и радовалось. Но в сердце Николая Николаевича Попова — начальника отдела кадров Главресторана — kloкотал гнев. Он распирает грудь, стучался в виски и, подобно кипящей лаве, настойчиво просился наружу. Из Ростова-на-Дону пришло письмо о том, что в тресте показательных ресторанов далеко не всё показательно: снят с работы директор ресторана «Ростов» Сумликин, а управляющий трестом Печёнкин, директор ресторана «Дон» Николаев и другие лица уличены во взяточничестве.

В тот же вечер в Ростове на лёгких крыльях полетела предупредительная телеграмма, а следом за ней курьерским поездом чрезвычайным ревизором выехал сам Попов.

Больше других обрадовалась его приезду Наталия Васильевна Кривошлыкова, старший инспектор по кадрам Ростовского треста, сестра известного на Дону революционера. Это по её сигналу в райком партии был снят жулик Сумликин, и это она критиковала на партийном собрании зажимщика критики Печёнкина.

Три года работает Наталия Васильевна в тресте, и за это время столичное начальство впервые заинтересовалось её деятельностью.

Кривошлыкову не смутило даже то, что инструктивную беседу с ней Попов наметил провести в... выходной день. Но её смутило другое: Попов почему-то занялся не очищением треста от жуликов и прихлебателей, а всё внимание уделил её работе.

— Почему у вас в личных делах фотокарточки разных размеров? — раздражённо спрашивал он. — А что это за папки? Одна — синяя, другая — зелёная! Где красота и опрятность?

— Папки действительно долго не менялись... Они заведены до меня... — А вы что глядели? — грубо оборвал её Попов. — Ни черта не работаете, сплетнями занимаетесь! Я вам устрою красивую жизнь! «Инструктаж» длился ровно шесть часов.

Пятнадцать дней пробыл в Ростове Попов и не оказал тресту никакой практической помощи. Больше того, он самочинно назначил на должность заместителя директора ресторана «Ростов» некоего Демьянова, которого через два месяца пришлось уволить за пьянство и вымогательство денег у подчинённых.

Прибыв в Москву, Николай Николаевич принялся составлять отчёт. При этом он не пожалел белой краски, чтобы всячески обелить Печёнкина, и чёрной, чтобы выставить инспектора Кривошлыкову в самом неприглядном свете.

Краска белая: «Мною также проведена проверка материалов об использовании служебного положения управляющим трестом Печёнкиным. По приглашению директора ресторана «Ростов» (Левин, Кобелев) тов. Печёнкин с женой встречал Новый год в ресторане и занимал столик, который продавался по 400 рублей. Тов. Печёнкин, считая себя приглашённым, за столик не уплатил, ему подавались блюда по его заказу,

и стоимость продуктов по себестоимости не превышала 50—70 рублей. Получение продуктов и водки в ресторане «Дон» — 2 литра водки, ½ кило икры и торт — имело место, деньги были уплачены...» (Мы вынуждены заметить, что тов. Попов пишет неточно: деньги были внесены в кассу лишь после того, как Печёнкина разоблачили!)

Краска чёрная: «Кадровое хозяйство на работников аппарата треста и материально ответственных лиц по ресторанам «Дон» и «Ростов» находится в неудовлетворительном состоянии. В большинстве папки личных дел и листки по учёту кадров старые и не обновлены... Фотокарточки имеются неустановленного образца.

...Считаю необходимым по результатам проверки издать приказ и привлечь Кривошлыкову к строгой ответственности.

Итак, первый щит был изготовлен. Правда, он не спас жуликов: по заявлениям коммунистов треста взяточника Печёнкина с работы сняли, Левина, Николаева и Сумликина также уволили и осудили. Но, тем не менее, щит этот прочно лёг на своё место, надёжно охраняя престиж Главресторана.

Вторым щитом был приказ Главресторана, изданный спустя два с половиной месяца — 13 августа 1952 года:

«Управляющий трестом тов. Печёнкин за слабое руководство трестом в первом полугодии заслуживает строгого наказания, но, учитывая, что он освобождён от занимаемой должности областными организациями, ограничиться в отношении его этой мерой.

...Старшему инспектору по кадрам тов. Кривошлыковой Н. В. ...объявить строгий выговор с предупреждением».

Кривошлыкова, естественно, была поражена строгой и несправедливой карой. Она написала начальнику Главресторана С. П. Халтурину:

«Прошу пересмотреть приказ и снять несправедливое наказание».

Ответа не последовало. Спустя месяц она посылает вторую жалобу, но и это письмо ударяется о бумажный панцирь и отскакивает от него, словно мяч.

Наконец, уже на исходе ноября прошлого года Н. В. Кривошлыкова получает два коротеньких ответа. Смысл их был таков: для отмены приказа оснований не имеется.

А тем временем Попов исподволь принимает энергичные меры к тому, чтобы расправиться с негодными ему лицами. Новому управляющему трестом Харченко дано конфиденциальное предписание: избавиться от Кривошлыковой и других коммунистов треста, которые, видите ли, мешают главному спокойно жить. Но выполнить это шекотливое поручение оказалось делом сложным.

«Освободиться от таких товарищей не так-то легко, — угодливо сетует Харченко в ответном письме, — так как они работают длительное время в тресте и надо время, чтобы убедить райком в том, что эти товарищи напрасно получают зарплату».

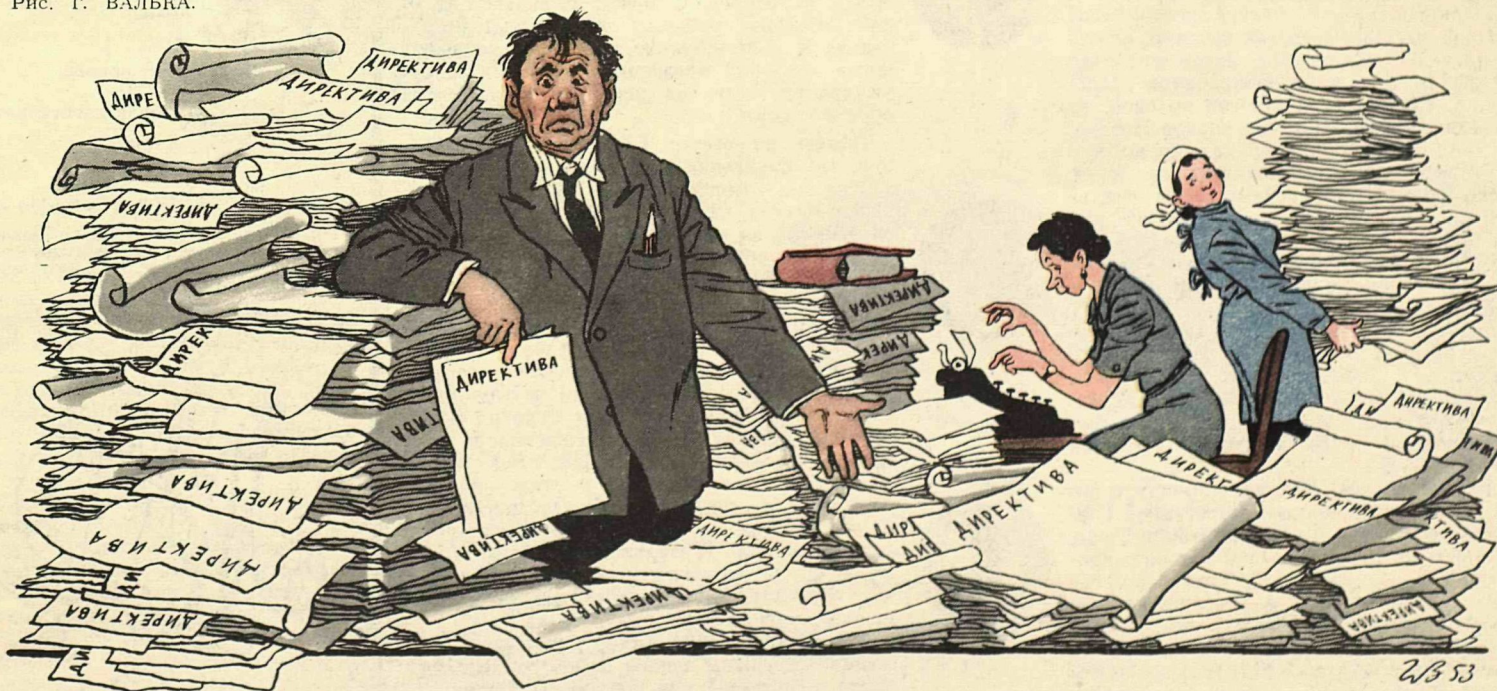
Всего прошло более десяти месяцев. Панцирь совсем окостенел и стал непробиваем. И, пользуясь этим надёжным укрытием, Попов спокойно готовит бригаду... для очередной проверки кадрового хозяйства ростовского треста.

Решено взять реванш: не мытьём, так катаньем.

Иван ГОРЕЛОВ

ОДНО ИЗ ДВУХ

Рис. Г. ВАЛЬКА.

— Когда же мне проверять исполнение приказов и директив! Не хватает времени на их составление...

О ТРЁХ СЁСТРАХ и их покровителях

Если поинтересуетесь, чей это дом из трёх квартир стоит по Межевой улице, № 174, в городе Енакиеве, соседи вам охотно ответят: сестёр Глуховых.

Если захотите узнать, кому принадлежит дом № 4 по 39-й линии, вам сообщат, что сёстрам Глуховым.

Если полюбостанете, кто владелец двух домов по 34-й линии, вам опять-таки сообщат: сёстры Глуховы.

Тут вам останется только изумлённо воскликнуть:

— Позвольте, что ж это за домовладелицы такие крупные? От каких таких трудов праведных нажито столько палат каменных?

В этом случае ответы соседей будут несколько разноречивы.

— Не иначе, как от усушки и утруски, — скажет один сосед.

— Скорей всего, большие излишки тут помогли, — заметит другой.

— По всему видать, у них благодетели нашлись, — добавит третий, — без благодетелей в таком деле никак не обойтись.

Кто же из них прав?

Если внимательно присмотреться к жизни и деятельности сестёр Глуховых да ознакомиться с документами, окажется, что все соседи по-своему правы.

Кем быть? Этот вопрос не волновал долго умы и сердца сестёр Глуховых. Все три — Александра (снимок № 1), Елена (снимок № 2) и Евдокия (снимок № 3) — сразу избрали одну и ту же профессию: все три решили испробовать свои таланты на торговой ниве.

Александра Григорьевна Глухова работала в Енакиевском «Смешторге» сначала в должности старшего продавца, а затем и заведующего магазином.

При первой же проверке у неё обнаружили крупную недостачу товаров. Директор «Смешторга» тов. Ноздрачёв (снимок № 4) объявил Глуховой выговор. Через некоторое время Глуховой был объявлен строгий выговор за нарушение правил торговли и грубое обращение с покупателями. Ещё через два месяца — строгий выговор, опять-таки за недостачу товаров. Затем ещё один строгий выговор, за игнорирование распоряжений. Потом опять строгий выговор, за обвес покупателей. В конце концов Ноздрачёв издал «решающий» приказ, по которому Глухова вовсе увольнялась из торгового предприятия. Однако приказ этот почему-то не увидел света.

Но вот в «Смешторге» была создана комиссия по аттестации торговых работников и на свет появился такой любопытный документ:

«Глухова Александра Григорьевна. К работе относится добросовестно, должности соответствует. Зачислить в резерв на должность заведующего магазином с большим объёмом работы.

Председатель аттестационной комиссии Ноздрачёв».

И тут Ноздрачёв! Как же совместить его приказы о Глуховой с его аттестацией Глуховой? Здесь опять мы сталкиваемся с расхождением во мнениях. Одни говорят: просто человек сам не знает, где лево, где право. Другие, наоборот, утверждают, что он хорошо знает, где «право» и особенно где «лево».

Сам Ноздрачёв в прошлом году приказом министра торговли УССР был снят с работы за содействие хищениям. Министр предлагал привлечь Ноздрачёва к судебной ответственности.

1

2

3

4

5

6

Однако и у Ноздрачёва, который покровительствовал жуликам, также нашлись свои покровители. Правда, Енакиевский горком партии наложил на него взыскание и запретил ему занимать руководящие должности в торговой системе. Но через короткое время секретарь того же горкома тов. Степанов счёл возможным направить Ноздрачёва со своим письмом на работу в орс треста «Орджоникидзеуголь». Так, вопреки решению горкома, но при содействии его секретаря тов. Степанова, Ноздрачёв снова оказался на руководящей должности в торговой сети.

Но вернёмся к истории с Глуховой.

Рыба ищет, где глубже, а Александра Глухова, где прибыльнее. Её уже не удовлетворяли масштабы «Смешторга», — она решила прибегнуть к угольной промышленности. Не успела Александра появиться в орсе треста «Орджоникидзеуголь», как начальник орса тов. Пасишниченко (снимок № 5), не проверив толком документов, не поинтересовавшись прежней работой, немедленно зачислил её на должность заведующего магазином.

В данном случае Пасишниченко остался верен себе. Сей торговый деятель работал ранее заместителем начальника урса комбината «Артёмуголь», но приказом министерства был снят с этой должности за систематическое пьянство и развал работы. Очутившись на руководящей должности в орсе треста «Орджоникидзеуголь», Пасишниченко стал принимать на работу всяких опорочивших себя, случайных людей. Он пригласил Крючкова, который за уголовные дела был изгнан из органов прокуратуры и исключён из партии; принял на должность заведующего магазином уволенного из орса треста «Калининуголь» Гинзбурга; зачислил агентом по доставке грузов Павловского — человека с тёмным прошлым.

В послужном списке второй сестры Глуховых — Елены, нет ни строгих выговоров, ни просто выговоров. О ней в Енакиеве говорят: «Человек работает на хлебном месте...». И действительно, скромная продавщица хлебного магазина Елена Глухова умудряется жить на широкую ногу, приобретать дома.

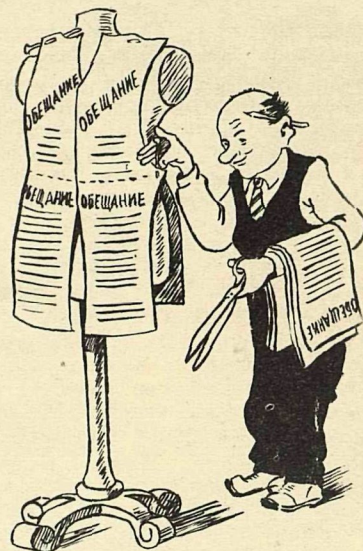
Третью из сестёр Глуховых — Евдокию, приютил начальник орса металлургического завода тов. Булавин (снимок № 6). Не прошло и месяца, как тот же Булавин объявил ей выговор за обвес покупателей. Затем — выговор за обмер. Через несколько месяцев приказом Булавина Евдокия Глухова за продажу товаров по завышенной цене была снята с работы и уволена из орса. Потом уже «уволенной» Евдокии Глуховой Булавин объявил выговор за нарушение трудовой дисциплины. А ещё через четыре дня издал новый приказ, которым отменил свой прежний приказ об её увольнении и заменил увольнение выговором. Всё учёл в этом приказе Булавин: и стаж работы Глуховой, и семейные обстоятельства, и даже то, что она «по работе замечаний не имела» (!). И только одного не учёл Булавин: на протяжении всего своего «стажа» Евдокия Глухова обсчитывала, обвешивала, обманывала покупателей.

Вот откуда у трёх сестёр Глуховых, владевших до войны одним домом, появились после войны ещё три собственных дома.

Б. БОРОВИК,
М. КРАЕВОЙ

Заводской ЮМОР

ПО НОВЕЙШЕМУ ФАСОНУ

Так выглядит спецодежда, которую шьёт вальцовщикам отдел снабжения.

«Мартеновнка».

МЕНЮ СО СТАЖЕМ

В Бобынинской столовой газопровода Саратов — Москва готовится изюм в день один и те же блюда.

На два года вперёд.

«Газовая магистраль».

КАЧЕСТВО ХРОМАЕТ

На Ленинградский завод резиновых технических изделий часто доставляются сырьё и материалы плохого качества.

Вот как это выглядит.

«Промтехника».

«ШЛЯПЫ» И ШАПКИ

В пятницу, около часа дня, Андрей Георгиевич Утеhin, начальник одного из Главных управлений бывшего Министерства хлопководства СССР, покинул свой служебный кабинет и спустился этажом ниже, на заседание коллегии.

Через два часа Андрей Георгиевич вернулся с заседания и обнаружил, что из кабинета бесследно исчезли принадлежащие ему пальто и шапка.

Секретарь Валентина Шурыгина тут же принялась плакать и утираться платочком. Сквозь слёзы Шурыгина заявила, что она отлучилась из приёмной, но только ненадолго, на каких-нибудь пять минут. Причём двери и в приёмную и в смежный с нею кабинет оставались незапертыми.

На место происшествия прибыла служебная собака Барс. Квалификация этого пса не возбуждает решительно никаких сомнений. Как нам сообщили в 17-м отделении милиции Москвы, Барс успешно окончил специальную школу и отлично проявил себя на практической работе. Но что может поделать даже такой образованный и опытный пёс, если в коридорах снуёт много народу и следы вора давно уже затоптаны!

Умная собака только вильнула хвостом и укоризненно взглянула начальнику главка в глаза, словно желая сказать:

«Двери заперать нужно!»

Вокруг кражи из кабинета А. Г. Утеhина шли разговоры по всему учреждению.

— Экое разгильдяйство! — удивлялся другой начальник, К. М. Ефимов. — Оставлять приёмную открытой! Ведь и бумаги могли у Андрея Георгиевича пропасть, бланки какие-нибудь или документы... И секретарша-то хороша! Ну и шляпы!

Миновала неделя. Наступила следующая пятница. И вот в этот день из приёмной К. М. Ефимова пропало пальто. Делопроизводитель Галина Фомина выходила из приёмной «только на минуточку», оставив дверь незапертой. Снова слёзы и утирание платочком... Барса на этот раз не беспокоили.

Заместитель начальника хозяйственного управления П. Т. Филимонов, как и другие сотрудники министерства, был просто возмущён.

— Безобразие! Ротозен! — говорил он. — Ничему первый случай не научил!.. Хорошо ещё, что пальто у них спёрли... А мало ли к чему могли бы потянуться!

Проходит неделя. Снова наступает пятница. Суматошный день — заседание коллегии! Из приёмной П. Т. Филимонова украли в этот день сукно со стола, рукавицы и шапку. Секретарь Вера Чугунова уходила «только на минутку». Дверь не заперла. Опять слёзы. Опять платочек.

О ротозеях собрались написать в газету «Советское хлопководство». Но тут выяснилось, что совсем недавно из редакции этой газеты была похищена пишущая машинка. Как-то, знаете, неудобно туда и обращаться.

Итак, у «шляп» крадут не только шапки. И пальто крадут. И рукавицы. И настольное сукно. И пишущие машинки.

— Зато не было пока ни одного случая пропажи документов! — с гордостью сообщил нам управляющий зданиями К. К. Козлов.

А нужно ли дожидаться такого случая? Не лучше ли заперать за собой двери!

Е. ТРОИЦКИЙ

«НЕВАЖНАЯ СИТУАЦИЯ»

Константин Андреевич Воловик, директор ликёрно-водочного завода, что в Виннице, определённо имеет дар сочинительства. До чего же бойкое перо у него!

Надо, скажем, объяснить нехватку сотни декалитров спирта, он и пошёл сочинять. Так всё опишет, что хищение спирта станет естественной убылью. Прочитают в «Укрликёрводтресте» его сочинительство — и мигом резолюция: «Согласны с естественной убылью».

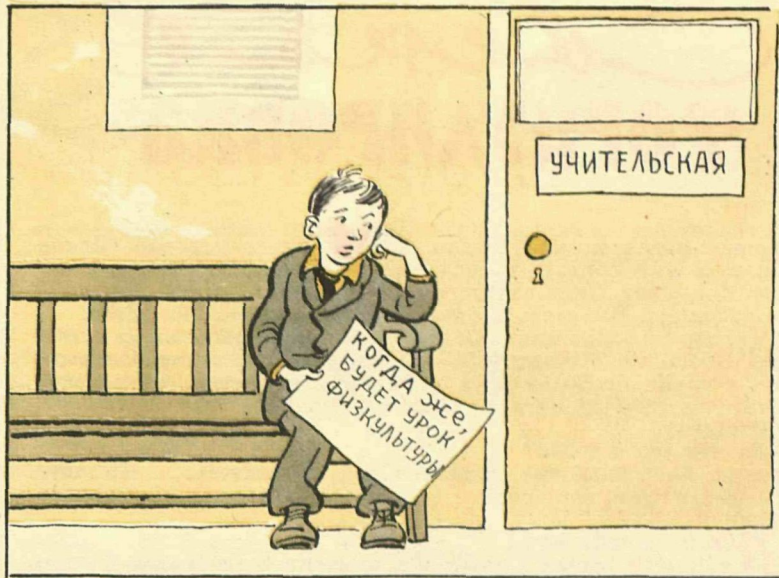
Или выясняется, к примеру, что начальник разливного и очистного цехов Регудевская и начальник посудного цеха Пилипенко — люди с тёмным прошлым, живут не по карману. Воловик немедленно сочинит и даст им на руки грамоту, что жулики вовсе не жулики, а честнейшие люди.

Последнее произведение Константина Андреевича стоит того, чтобы предать его гласности в том виде, в каком оно вышло из-под пера. Посвящено это произведение Ивану Павловичу Петрову — заместителю управляющего «Укрликёрводтреста».

«Уважаемый Иван Павлович, ситуация на заводе неважная, и при всём моём желании ничего передать не мог (прокуратура, ОБХСС). Мне очень неприятно, тем более, что подходит праздник, но рисковать в такое время не решился. Прошу простить и считать, что я в долгу. Как только изменится положение, все дела подправим, короче говоря, надо надеяться, что и у нас будет праздник...»

А мы хотим надеяться, что К. А. Воловику такого праздника не дожидаться. Как бы не наступил для него великий пост!

Рис. И. СЕМЕНОВА.

ОН беспокоится.

ОНА волнуется.

И лишь ОНО остаётся равнодушным.

Свежая формулировка

Вечером редактор киностудии Леонид Александрович Чижов зашёл к своему приятелю, редактору издательства «Молодая поросль» Копытову. Сняв пальто, он улёгся на диван, закурил и тяжело вздохнул. Вылететь второму вздоху помешал Копытов:

— Что это ты вздыхаешь? Опять с кем-нибудь из авторов встречался? Брось, не расстраивайся! Пойдём лучше к Тарабановым, у них сегодня по телевизору «Свинарку и пастуха» передают. Кстати, там твоя супруга. Только что звонила.

— Отстань!

— Да что это с тобой?

Леонид Александрович поднялся так стремительно, что пружины взвизгнули, как тормоза у подержанного индивидуального «Москвича».

— Валидол у тебя есть?

Пока Копытов шарил в тумбочке, отыскивая лекарство, Чижов сидел, схватившись рукой за сердце.

— Валидола нет, а вот эфирно-валериановые есть. Специальный выпуск для редакторов. Накапать?

— Капай!

Чижов принял капли и снова лёг. Копытов, убирая склянку, с удивлением повторял:

— Что это с тобой, друг? Никогда так не было. Это у тебя, дорогой, нервы.

Чижов горько усмехнулся и со злостью сказал:

— Нервы! На моей проклятой должности вместо нервов железобетонную арматуру надо иметь! Это у вас: раз, два — и книжечка.

После этого трагического предисловия Чижов начал рассказывать более подробно:

— Вызывает меня сегодня директор, Пётр Алексеевич Нагнеев. Вхожу я к нему и вижу: сидит у него наш главный редактор Некин. Оба они мне сразу не понравились. Особенно Некин. На лице улыбочка, а глазами меня так и сверлит. Разговор начал Некин: «Ну-с, Леонид Александрович, хотим мы поручить вам один из важнейших участков». Откровенно говоря, я подумал, что они хотят меня перекинуть на дубляж, но оказалось гораздо хуже...

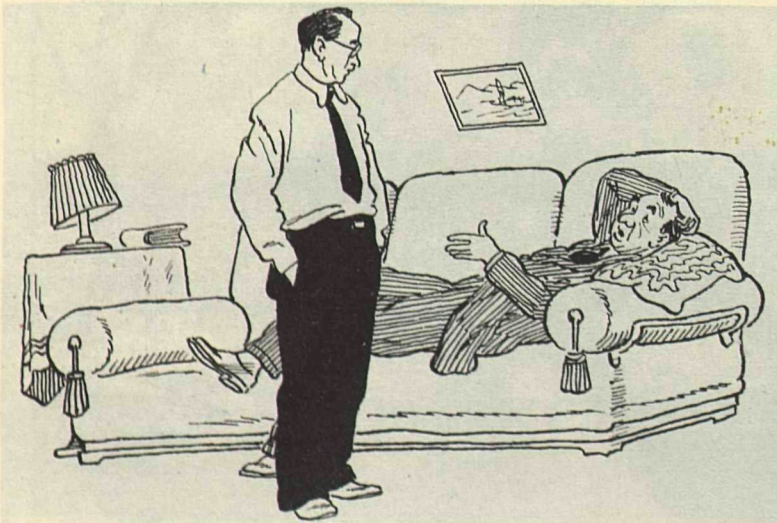
— Что хуже? На периферийную студию?

— Нет. Ещё хуже!

— Что может быть хуже?!

— А ты слушай! «Вы, — говорит, — Леонид Александрович, в позапрошлом году в Доме литераторов на совещании очень хорошо о путях комедии выступали. Я даже удивился тогда: откуда это у вас?» Я сначала не понял, куда они гнут. А Нагнеев напрямик мне отрезал: «Придётся вам с эпических позиций на комедию переключиться. Всерьёз и вплотную. Комедия сейчас в центре внимания, от нас сатиры требуют, так что вам оказано большое доверие».

Сам понимаешь, как я протестовал. На здоровье ссылаюсь, на характер. Наговаривать на себя начал, признался, что позапрошлого года в Доме литераторов жена мне из старых статей настригла. Какой, говорю, из меня специалист по комедии, когда я в Театре сатиры за последние пятнадцать лет ни разу не был! А Нагнеев и отвечает: «Вот и хорошо. Стало быть, у вас ещё вкус не испорчен». Я начал было младшего редактора, Бэлу Ивановну Людмилу, нахвалять. Она, говорю, по любому поводу смеётся, стоит только палец показать. Нагнеев сразу её отвёл: «Дело не в смехе. Нам на комедию надо такого человека посадить, чтобы он осторожный был на все двести пятьдесят процентов. А у Бэлы Ивановны смех несерьёзный, просто у неё зубки хорошие, вот она их и показывает». В общем ничего не

помогло. Так что можешь меня поздравить и посочувствовать: перед тобой главный мастер по сатире, а в портфеле уже лежит первый комедийный сценарий. Вручили на заключение. Так сказать, не отходя от кассы.

— Кто автор?

— Из новеньких. Какой-то Копьёв.

— Лауреат?

— Не понимаю! Я к тебе за советом, а ты какие-то глупые вопросы задаёшь! При чём тут лауреат?..

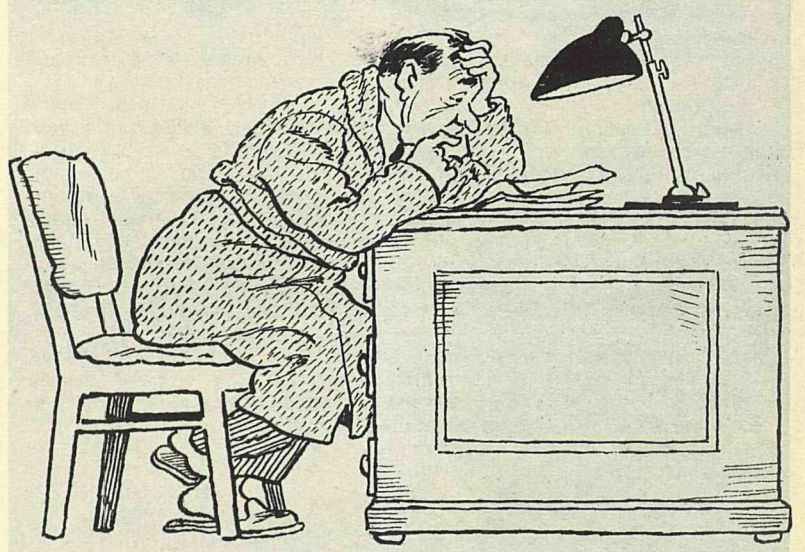
Чижов встал и ушёл, даже не простившись с хозяином.

Придя домой, Леонид Александрович выкурил девять папирос и, усевшись за письменный стол, вздохнув, принялся за сценарий.

Неизвестный Копьёв, оказывается, неплохо знал жизнь и, бесспорно, был одарённым, подающим надежды киносценаристом. Читая сценарий, Чижов сначала слегка усмехался, затем начал улыбаться, а под конец откровенно захохотал. Кроме основной героини, Леониду Александровичу особенно понравились в сценарии два образа: подхалим Подмёткин и муж героини — грубоватый, угрюмый Иван Макарович.

Дочитав сценарий, Чижов закурил и задумался. Сценарий определённо был неплох. Плутоватый Подмёткин с его сочным, живым языком так и стоял перед Чижовым. Вспомнив о роли Ивана Макаровича, Чижов даже присвистнул. До чего же удалась автору эта роль! Откровенно говоря, даже в своём характере редактор обнаружил черты Ивана Макаровича: «Да, да, есть ещё в нас этакое неблагородное, свинское отношение к женщине».

Время подошло к полуночи. Леонид Александрович бодро принялся за ответ автору. Привычные строки легко ложились на бумагу: «Ознакомившись с представленным вами сценарием, считаю необходимым отметить следующие положительные качества...»

Перо дальше не писало, потому что в эту минуту Чижова подменили. Из читателя он превратился в старого, опытного редактора киностудии со всеми вытекающими из этого последствиями. Первым делом он вспомнил слова директора насчёт осторожности и начал самостоятельно размышлять:

«Что, собственно говоря, хотел сказать автор сценария? Что такое подхалим и как с ним бороться? А кому это надо? Сопутствующая тема о плохом, невнимательном муже? А это кому надо?..»

Леонид Александрович зачеркнул «положительные качества» и написал: «существенные недостатки».

Но забраковать сценарий оказалось тоже нелегко. Надо было найти удобоваримую, обтекаемую формулировку, а она никак не шла на ум. Вернувшаяся из гостей жена накрутила волосы и давно уже спала, а муж всё сидел у стола, машинально рисуя демонические профили. Он испортил двадцать листов бумаги и с тоской вспомнил незабвенное время, когда любого автора наповал сваливали две фразы: «Это не типично»; или: «Преувеличив и заострив ваши образы, вы вольно или невольно льёте воду...»

Сейчас ни то, ни другое не годилось. А ничего нового Чижов никак выдумать не мог. Вполне возможно, что несчастный Леонид Александрович промаялся бы до рассвета, если бы не звонок Копытова:

— Спишь, Лёня?

— Какое там спишь! Мучаюсь.

И расстроенный Чижов поделился с Копытовым своими сомнениями. Копытов засмеялся и сказал:

— Чудак ты, братец! Нашёл над чем страдать! Я когда с сатириками беседую, всегда на план нажимаю. Всё, говорю, заполнено.

Через пять минут Чижов залпом хватил стакан холодного чая и, пробормотав: «Чего же я, дурак, мучился?», — начал торопливо писать. На белый лист легко ложились строки: «Рассмотрев представленный вами сценарий, считаю необходимым сообщить, что ввиду выполнения плана этого года вопрос о вашем сценарии перенесён на будущее время. Это, понятно, не лишает вас права обратиться с вашим произведением в другую студию».

Спасительная формулировка была найдена.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Отмежевался

Когда начальнику пожарной охраны Верхотурской гидроэлектростанции Георгию Дмитриевичу Жирнову указывают на его плохую работу, он чаще всего отвечает:

— Мы институтов не кончали...

И трудно понять: то ли он оправдывается этим обстоятельством, то ли гордится им.

А когда Жирнову напоминают со всей деликатностью, что пора бы уж начать учиться, работать над собой, он медленно, вдумчиво успокаивает не то себя, не то собеседника:

— У нас всё ещё впереди. Поспеем. Не на пожар...

Зато, когда он поучает других, речь его приобретает неожиданную стремитель-

ность, гневные слова извергаются с таким пылом и жаром, что обескураженным слушателям остаётся только одно: набраться терпения.

Самая любимая его тема — о моральном облике человека. Хлебом не корми, а дай ему поговорить о том, как надо себя вести и как многие этого не понимают. Чуть не на каждом собрании он поучает товарищей и сослуживцев, что работать надо умеючи, жену следует уважать, детей воспитывать с любовью. А вино пить — ни боже мой!

Но вот собрание кончается — и наш герой переходит от теоретических рассуждений к жизненной практике.

Трезвым он бывает не слишком часто. К жене относится так внимательно, что

из квартиры Жирновых частенько слышатся крики и вопли, звон разбитой посуды и цветочных горшков. И какое бы дело — служебное или общественное — Георгию Дмитриевичу ни поручили, он его обязательно завалит. Когда с Жирновым поговорили как следует на общем собрании, в протоколе отмечено было его поистине замечательное признание:

— Я последнее время совсем отмежевался от работы...

В свою очередь, от Георгия Дмитриевича отмежевался райком партии. Не интересуется этой фигурой. А между прочим, Г. Д. Жирнов — секретарь первичной партийной организации.

И. ФЕДОРОВ

г. Верхотурье,
Свердловской области.

БОРИС ПЕТРИЧЕНКО

Краснодарский край.

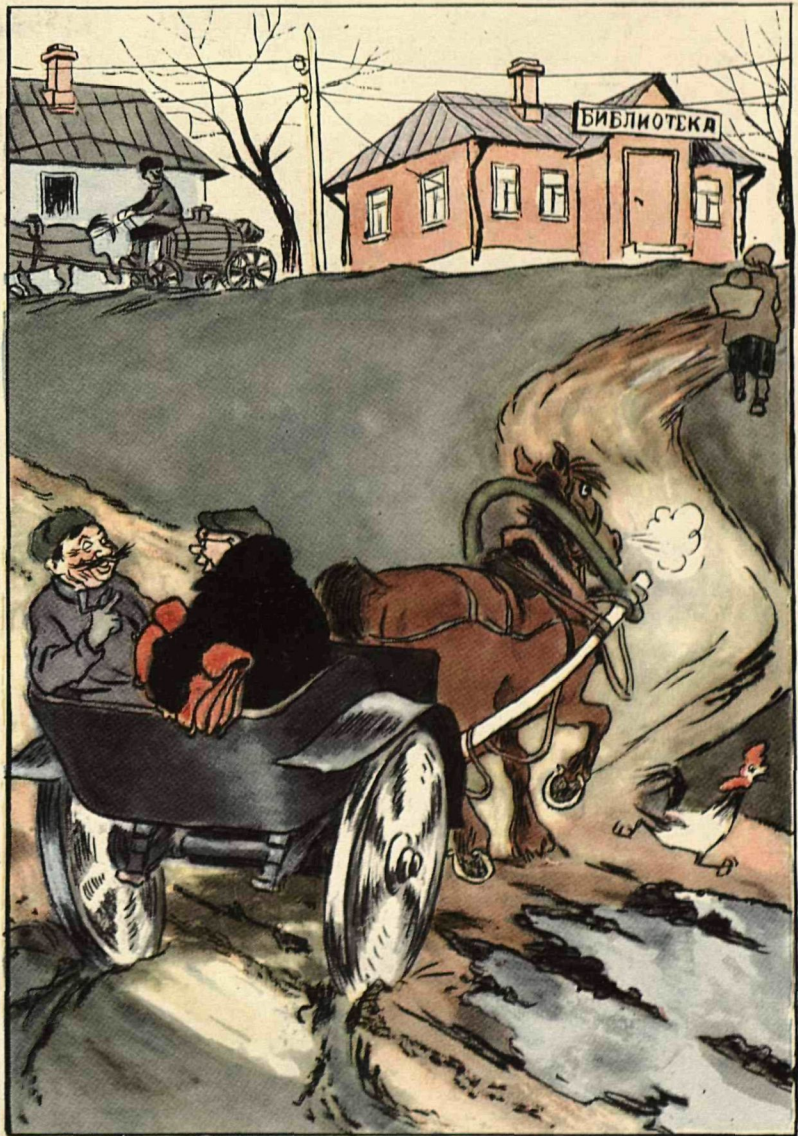
МЫ СЕЕМ

В лучах, как в искрах,
Озимь, лес и луг.
Вдали над пашней
Зной струится зыбкий.
Денёк такой,
Что поглядишь вокруг —
И трудно удержаться
От улыбки.
Веду я трактор.
Солнце впереди.
А на прицепе —
Солнышко второе:
Волнуюсь,
Слишком пристально следит
За сошниками
Сеяльщица Зоя.
По-моему,
Раз дело изучил,
Держись героем,
Смело и спокойно.
Пусть сердце
С переборами стучит,
А сев изволь
Веди бесперебойно.
У девушки
Румянец на лице —
Освоилась
Хозяйка агрегата.
И зёрна кукурузы,
Словно в цель,
Ложатся в гнезда
Строго по квадратам.
Вблизи по полю
Ходит агроном.
Готов помочь
При первой неполадке,
Но у него
Усы стоят торчком,
А это верный признак —
Всё в порядке.
Мы на массив
И завтра выйдем вновь,
Но мысль одна
Опять меня встревожит:
Вот как бы мне, товарищи,
Любовь
Посеять в сердце
Девушки хорошей?

...Тут агроном,
Наверно, не поможет?

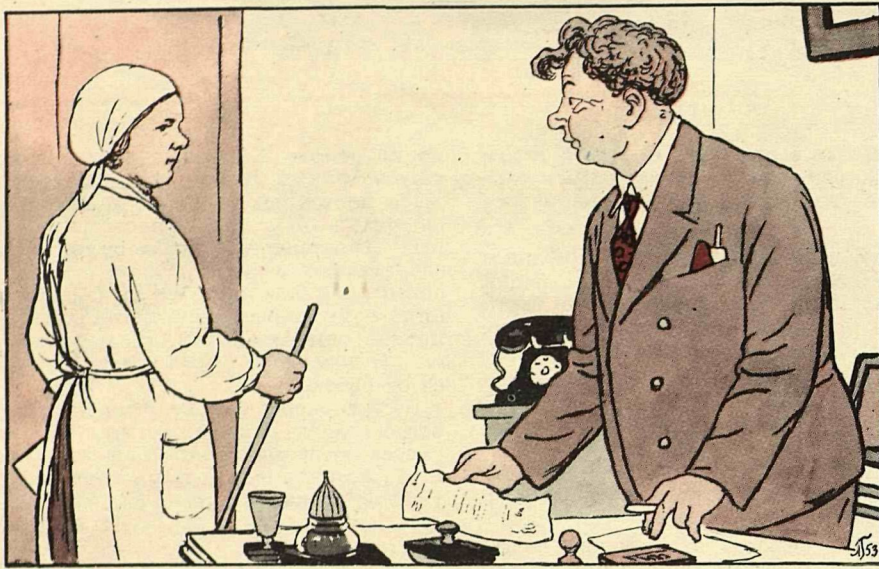
Помещение Ершиполинской сельской библиотеки (в Чувашской республике) летом использовалось под конюшню.

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА.

ЛЕКТОР: — А лошадь у вас умная: сама знает, куда сворачивать...
ВОЗНИЦА: — У нас все лошади умные: они три месяца библиотекой пользовались...

Рис. Л. ГЕНЧА.

— Это вы нашли в мусоре секретный документ, который я потерял!
— Я.
— Объявляю вам благодарность за бдительность.

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА.

Документы

ВСЁ В ПО

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА.

С МЕСТА В КАРЬЕР

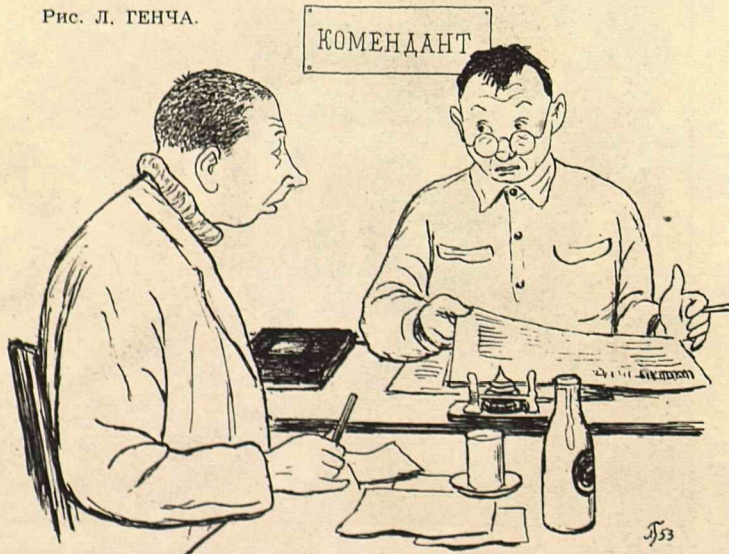
— Я хотел бы поступить к вам на рабо...

— Что за разговоры! Пожалуйста, приступайте к работе!..

В бывшем Министерстве совхозов похищен мешок с приказами.
(Из газет)

Рис. Л. ГЕНЧА.

— Для чего только у нас охрана! Целый мешок приказов пропал!
— Не может быть! Кто вам сказал!
— Об этом во всех газетах напечатано...

Рис. Е. ГОРОХОВА.

ПОЛУБДИТЕЛЬНЫЙ

— А мой Вася ни слова не говорит о заводских секретах — узнаю о них только из его бумаг.

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО.

и под замком.

Иван Петрович тщательно запер сейф.

Рис. Ю. ФЕДОРОВА.

Не забыл запереть дверь кабинета.

И только рот забыл закрыть...

— Ну уж теперь-то я покажу Митьке, как лазить в мой стол!..

— Мама, скоро идти в школу, а мне нечего надеть.
— Не волнуйся: мне нечем платить за школу...

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

«Добрый день, дорогой Джеймс! Быть может, в эту минуту ты сидишь в своей шикарной юридической конторе и даёшь клиентам мудрые советы. Помню, покидая университет, ты сказал мне: «Никогда не болтай лишнего, Тэд, и не суй нос не в своё дело». Увы, я убедился теперь, что фортуна весьма неласкова к тем, кто пренебрегает добрым советом.

Ты всегда высмеивал мою страсть к чтению газет. И всё же я продолжал читать их. Но это ещё полбеды. Хуже, что у меня появились собственные мысли. Но и это ещё три четверти беды. Совсем плохо, что мысли эти я изложил Уолтеру, нашему профессору древней истории. Помнишь его? Вот как это произошло. Уолтер заканчивает лекцию о древней Греции.

— Божественный Гомер, описывая игры в честь Патрокла, устроенные Ахиллесом,— читает он,— упоминает, что рабов ценили, как скот:

Для побеждённого мужа он женщину вывел, в работах
Многих искусную, эту в четыре быка оценили.

— Так, мои юные леди и джентльмены, древние обращались с побеждёнными народами. Ныне, разумеется; от этого варварства не осталось и следа. Знаменитый французский историк Валлон писал еще в прошлом столетии, что в вопросе о рабстве следует исходить из точки зрения просвещённого гуманизма. «Тут идёт дело о человеке,— писал мсье Валлон,— и теперь нет никого, кто осмелился бы этого не признавать». С тех пор человечество шагнуло вперед ещё намного, и в наши дни само понятие «рабство» покрылось многовековой пылью, поднятой башмаками прогресса, приведшего мир к золотой эпохе свободной инициативы.

В аудитории, конечно, шелест восхищения. Уолтер вытирает запотевшее пенсне и осведомляется, будут ли вопросы.

— Будут, сэр,— говорю я.— Ваши слова произвели на меня неизгладимое впечатление. Но я читаю газеты, сэр, и у меня...

— О, благодарю вас, мой юный коллега,— перебивает меня Уолтер,— я упустил из виду процитировать вам несколько высказываний наших современников по затронутому мною вопросу. Радиообозреватель Райян правильно отмечает, что «задача и долг Великобритании — от-

чески поощрять первобытные зависимые народы достигнуть такого уровня развития, при котором они смогут взять на себя тяжкое бремя самоуправления». И нет сомнения, что мы это с успехом делаем. И народы благодарят нас за это. Например, премьер-министр Южной Родезии Хаггинс говорит: «Наш народ отличается величайшей преданностью короне, английским институтам и английскому образу жизни». Таково положение в британских колониях, да и не только в британских. Французская газета «Эко републикэн» пишет: «В течение многих лет мы приносили Северной Африке мир, счастье, здоровье и богатство...»

Из нашего старика Уолтера, ты знаешь, слова вылетают, как шиллинги из кармана. И я не сразу получил возможность задать свой вопрос.

— Непонятно,— говорю я наконец Уолтеру,— как увязать некоторые заявления с некоторыми фактами. Архиепископ Йоркский утверждает, что «наши войска в Малайе защищают цивилизацию и свободу». Это с одной стороны. А с другой стороны, имеются сведения о пяти тысячах расстрелянных и полумиллионе заключённых в концлагери мирных малайцев. В то время, как «Эко републикэн» воркует о счастье и богатстве, агентство Франс пресс расписывает, как французские солдаты в Тунисе накалывают на штыки грудных младенцев.

— Это типичная коммунистическая пропаганда,— отступает Уолтер.

— Не знаю, может быть,— продолжаю я, перехватив инициативу,— но в таком случае посмотрите на тех, кто её разжигает. Многие ответственные лица призывают сейчас к рабовладению. «Для Южно-Африканского Союза необходима политика господства белых»,— утверждает министр финансов Союза Хавенга. Кстати, тот же обозреватель Райян указывает, к чему привела эта политика. Он ведь сказал недавно, что премьер Южно-Африканского Союза доктор Малан «напоминает человека, курящего трубку в пороховом погребе».

— Ах, Райян!— торжествующе кричит Уолтер.— «Было бы глупо ждать благодарности от подчинённых народов»,— вот что говорит по этому поводу Райян.

— Действительно,— отвечаю я как можно спокойнее,— глупо было бы благодарить людей, подобных, например, бывшему министру обороны того же Южно-Африканского Союза Освальду Пироу. Вам должно быть известно, что этот Пироу сказал: «Мир страдает от чрезмерной гуманности, которая идёт вразрез с идеей Гитлера». Или вспомните недавнее заявление благочестивого священника Гаррисона из Атланты, штат Джорджия: «В глазах господ бога не является гре-

хом убить негра, так как негр — это всё равно, что собака». Неужели архиепископ Йоркский то же самое думает и о малайцах? Как вы полагаете?

— Вы, значит, утверждаете, что ныне имеет место такое же рабство, как и в древней Греции? — задыхается Уолтер.

— Нет,— говорю,— не совсем. Вы только что читали, как Ахиллес оценил рабыню в четыре быка. А в Либерии носители цивилизации оценивают труд негра-раба в два цента в день. Да, я хотел сравнить рабство в дни Гомера с рабством в наши дни, но ошибся. Я забыл про башмаки прогресса. Ахиллес ни за что не поверил бы нынешним ценам!

— Вы недолго будете шутить, молодой человек! — рывкает Уолтер так, что его золотое пенсне летит на пол.

Я этим моментом воспользовался и высказал последнее.

— Сэр,— сказал я,— меня просто поражают некоторые заявления. «Ньюс кроникл» сообщает: «Англия заявила в Совете по опеке ООН, что она готова уничтожить телесные наказания в Танганьике, но что сами туземцы противятся этому». Интересно, профессор, будете ли вы протестовать против того, чтобы вас не грабили и не увечили?

Думаю, что в этот момент я нокаутировал старика, потому что он как-то боком сполз в кресло и начал усердно переливать воду из графина в себя, а вся аудитория одобрительно загоготала. Я победил. Это был не только первый, но, увы, и последний раунд.

Я опускаю, дорогой Джеймс, последующий диалог между мной и деканом. Он сообщил мне, что не собирается держать в стенах университета людей, ведущих коммунистическую пропаганду. Короче говоря, не найдётся ли в твоей конторе местечка рассыльного? Надеюсь, что с работой справлюсь: у меня ведь почти высшее образование.

Жду с нетерпением ответа, поскольку в любой момент меня могут сцапать в армию и отправить в какие-нибудь тропики, чтобы стрелять в тузем...»

* * *

Это письмо найдено в комнате бывшего студента одного английского университета. Автор его был мобилизован в английские колониальные войска и убит в Малайе.

С. ИВАНОВ

КОРОТКО, НО ЯСНО...

ПЕРЕПЛАТИЛИ

Гамбургская газета «Ди цейт» в заметке под названием «Сколько стоит один депутат?» рассказывает:

«При покупке одного депутата свободной демократической партии в Рейнланд-Пфальце была установлена цена в 800 марок. Социал-демократическая партия купила его, предложив пост, который приносит ему именно эту сумму денег, после чего упомянутый депутат быстро перебрался в социал-демократическую партию».

800 марок за такой недефицитный товар... Дороговато!

МРАЧНОЕ БУДУЩЕЕ

Норвежский социал-демократический журнал «Контакт» в редакционной статье касается вопроса об Атлантическом пакте. Организаторы пакта, замечает, между прочим, журнал, «могут провести нас так, что мы в один прекрасный день проснёмся в Атлантическом океане без одежды, часов и без книги псалмов».

Одежда и часы — это ещё полбеда. А вот без книги псалмов социал-демократическим псалмопевцам Атлантического пакта действительно придётся туго!

БОЛЬНОЙ ВОПРОС

На банкете по случаю окончания конференции так называемой партии независимых выступил Антуан Пинэ. Бывший премьер Франции заявил, что «жестокая война в Индо-Китае продолжается помимо воли Французского Союза».

Дабы не касаться больного вопроса о том, по чьей воле (и в чьих интересах) ведётся грязная война во Вьетнаме, «независимые» наградили оратора жидкими аплодисментами и подняли бокалы

НЕПОЛНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Английское Центральное бюро информации опубликовало недавно сведения об авианосцах военно-морского флота страны — тяжёлых и лёгких, исправных и неисправных, стоящих у причалов и плавающих.

Бюро информации, однако, уклонилось от информации, в каком же состоянии находится самый большой авианосец — непотопляемый авианосец Великобритании. Что с ним? Не перегружен ли он вооружением? К какой военной базе приписан? А ведь именно такого рода информация волнует английский народ.

ПРОГРЕСС

Член английского парламента Уилли заявил в палате общин: «Министерство продовольствия считает, что если в прошлом году мы питались хуже, чем в позапрошлом, то в этом году мы можем питаться хуже, чем в прошлом».

Из заявления мистера Уилли следует, что если английская экономика и дальше будет развиваться столь же успешно, то вскоре о нынешних полуголодных временах вспомнят, как о царстве изобилия.

Во Франции, вновь поднялась волна реакции и полицейского произвола.

Рис. Л. СОИФЕРТНСА.

— Вы не боитесь ходить один ночью по городу!
— А я никогда не хожу один — за мной всегда ходит агент полиции.

Рис. А. ВАЖЕНОВА.

— Извините, что задержался. Вы меня давно ждёте!
 — Не очень. Если бы ждали за станком, то я обработал бы сто шестьдесят деталей, Петров — сто семьдесят, а Иванов — двести.

ЗНАКОМЫЙ КАВАЛЕР

С некоторых пор Андрей Луценко стал задумываться о неотразимых качествах собственной персоны: благородный овал лица, обаятельная улыбка, взгляд лучистых глаз — не пропадать же такой красоте!

Открытие этих своих замечательных качеств выбило из колеи работника сельхозартели «Правда», Сталинградской области.

— О чём, Андрюша, задумался? — спросила его однажды жена, заведующая местной избой-читальней Антонина Садовникова.

— Мысли разные колобродят о жизни нашей. Всё-таки не пара ты мне, Тосенка, — вздохнул муж. — Я, пожалуй, смогу выгоднее жениться.

— Постыдился бы! Почти три года прожили, через месяц второй ребёнок родится!..

— Ну, дети не в счёт... Мы с тобой ведь не зарегистрированы.

— Эх ты, подлец!

— Гражданка Садовникова! — В голосе Андрея зазвенел металл. — Прошу не оскорблять меня разными намёками! И вообще, как совершенно постороннюю личность, прошу вас очистить мою квартиру!

Таким-то образом в июне 1949 года беременная подруга жизни Андрея Луценко была изгнана из дома.

Оставшегося на холостом положении красавца-мужчину председатель сельхозартели характеризует такими скупными словами: «Ленив и к делу рвения не проявляет. Занимается распутством».

Луценко и впрямь было не до работы. Он напряжённо обдумывал тактические планы дальнейшей жизни, прикидывал и так и этак. Для начала он даже сделал шаг назад и попросил прощения у жены.

— Тося, мне нужна твоя дружеская помощь! — деловито сказал обладатель лучистых глаз. — Понимаешь, я решил пойти учиться в областную трёхгодичную школу руководящих колхозных кадров. Мне хотелось бы учиться и сознавать, что у меня есть друг, искренне желающий мне успехов. В подтверждение дружбы ты мне ежемесячно высылай деньги, и всякий раз я буду с нежностью вспоминать о тебе. А после учёбы мы зарегистрируемся!

Средства для «друга» пришлось выкраивать из единственного источника дохода — небольшой заработной платы избача. Но деньги Луценко получал регулярно.

Через полтора года он приехал на побывку, переночевал дома, а затем перемахнул к другой женщине — сельской учительнице Александре Вязьминой, каковой и предложил руку и сердце.

С тех пор подтверждения супружеской привязанности в виде денежных переводов и посылок с продуктами обворожительный Луценко стал получать от новой жены.

Однако к концу 1951 года посылки с домашней колбасой и скромные учительские переводы не стали его больше удовлетворять. Тогда он снова задумался и... предложил руку и сердце новой подруге жизни — Вере Шевченко.

А учительнице Вязьминой, ожидавшей от него ребёнка, он деликатно посоветовал последовать своему примеру, то есть забыть всё.

Не откладывая пера, он тут же в письме к своей сестре объяснил мотивы разрыва: «Что мне помощь Шуры? Она слишком мизерна...»

Однако спустя некоторое время история с женитьбами стала известна партийному

бюро школы. Вынужденный объясниться, Луценко снова взялся за перо.

«Здравствуй, Тося, — писал он первой по очередности подруге жизни, Антонине Садовниковой. — Я сегодня даю твой адрес секретарю парторганизации... Мне вот что от тебя нужно: напиши мне справку от себя, заверь свою подписью печатью хотя у директора санатория или горсовета: «Справка. Я, Садовникова Антонина Андреевна даю личную справку (или просто объяснение) тов. Луценко Ан., что знаю я его как знакомого кавалера, с которым я дружила, но жить не согласилась, так как не хотела оставаться на территории Вязовского района... Садовникова» Точка. Партийному бюро... Отвечай короче, много не развози. Знала как друга, нажила ребёнка, но жить не согласилась... Ребёнка воспитуешь сама — и всё... Это моя просьба к тебе и очень счекотная... Как справку пришлешь, потом будем разговаривать с тобой конкретнее».

В объяснительной записке секретарю парторганизации Луценко докладывал: «Постараюсь в ближайшее время расторгнуть брак и зарегистрироваться с новой женой. В чём я и виноват».

С которой по счёту новой женой он собирается регистрироваться, Луценко благоразумно умолчал.

Повидимому, эта «повинная» вполне удовлетворила секретаря парторганизации. Больше никаких претензий «кавалеру» не предъявляли. Теперь Луценко уже благополучно окончил школу, стал заведующим группой пропаганды Дубовского районного отдела сельского хозяйства.

И когда его спрашивают, как дела, он обворожительно улыбается, лучисто поглядывает в сторону очередной обладательницы красивых глаз и отвечает: «Блестяще!», — имея в виду совсем не пропаганду сельскохозяйственных знаний.

Н. СВИСТУХИН

с. Елань
 Сталинградской области.

КОСТРОМСКИЕ ДОЛЖНИКИ

Художник Шлеин нежно любил свой родной город — Кострому. Здесь он родился и прожил всю долгую жизнь — без малого восемьдесят лет. В окрестностях города писал леса и перелески, украшенные осенним багрянцем, и серебряные плёсы красавицы Волги. Ученик великого Серова, один из плеяды «передвижников», он не раз отвергал заманчивые предложения обосноваться в Петербурге, при Академии художеств, или переехать в Москву. «Мне милее моя родная Кострома!» — говорил он.

Его кисти принадлежит один из лучших портретов А. М. Горького, написанный на Капри, портрет Демьяна Бедного. Полотна Николая Павловича Шлеина находятся в музеях Москвы, Ленинграда, Иванова, Ярославля. Но большинство картин художник оставил всё-таки Костроме. Это произведения, написанные мастерски и являющиеся гордостью не только родного города художника, но и всей страны. Именно поэтому Николаю Павловичу было присвоено почётное звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

В июне прошлого года Н. П. Шлеин умер. А затем всё пошло по мало приятной пословице: «С глаз долой — из сердца вон». И если бы одному из многочисленных учеников Шлеина захотелось написать несколько картин, связанных с тем, как быстро некоторые руководители костромских организаций забыли замечательного мастера, недостатка в темах не было бы.

Прежде всего следовало бы создать портрет председателя исполкома Костромского горсовета тов. Козырева.

Перед председателем кипа бумаг — опись имущества покойного художника, приложенная к решению исполкома горсовета от 27 июня 1952 года, озаглавленному весьма недвусмысленно:

«Об использовании выморочного имущества, принадлежащего заслуженному деятелю искусств РСФСР художнику Шлеину Н. П.».

Председателя волнует только одна мысль: как распорядиться оставшимся имуществом художника, что куда отдать, а что продать и за сколько. Даже следов заботы о памяти покойного художника не найти во взоре председателя.

Живописцу-сатирику следует предложить тему «Суд». Первое действующее лицо — Елизавета Зотчик, бывшая ученица местного художественного училища. Не успев как следует обосноваться в Костроме, она осенью 1952 года уже выступала в нарсуде как алчная стяжательница, претендующая на имущество Шлеина.

Почему? С какой стати?

Просто потому, что жила некоторое время у сердобольных Шлеиных, а главное, потому, что вещи, находившиеся в квартире у художника, ей пришлось по вкусу.

На картине с таким драматическим содержанием Зотчик должна потрясать его же сочинённым «завещанием» и жалобой на то, что нотариус не захотел оформить эту кустарную работу.

Второе действующее лицо этой картины — нарсудья первого участка Ленинского района Костромы Лепин. По одному намёку Лепин живо догадался, чего хочет истица, и присудил в пользу Зотчик, не имеющей к Шлеину никакого отношения, всё имущество и сбережения покойного.

Можно было бы, конечно, написать ещё одну картину: «Вечер в Костромском музее искусств». Но не рассчитывайте увидеть на этой картине, судя по названию, толпы людей, с интересом рассматривающих произведения Н. П. Шлеина, сохранённые им для родного города.

Колорит картины темнее тёмного, освещения никакого. И не потому, что действие происходит вечером. На полотне придётся воспроизвести не залы музея, а чулан под лестницей, где в любое время суток не видать ни зги. Все двести работ Шлеина, а заодно и принадлежавшие ему творения Репина, Шишкина, Левитана, Айвазовского были свалены в этот чулан, и на двери надолго повешен замок.

Почитатель памяти Н. П. Шлеина, возможно, захотел бы написать несколько пейзажей: например, улицу в Костроме, носящую имя прославленного земляка, или мемориальную доску на его доме, надгробие на его могиле.

Но, к сожалению, нет ни улицы такой, ни мемориальной доски. Костромичи помнят своего прославленного земляка-художника. А вот у руководителей костромских организаций на сей счёт своё особое мнение: они не считают, что долг платежей красен.

Юр. АРБАТ,
специальный корреспондент
Крокодила.

г. Кострома.

Рис. В. КОНОВАЛОВА.

— Какая заботливая мама у Люси!
— Ещё бы! Ведь Люся с детства так её воспитывает...

ОБМЕН ОПЫТОМ

— Друзья, вам следует остерегаться трёх зол: капканов, хороших охотников и плохих баснописцев!..

ВИЛЫ В БОК

ПРИБЛУДНЫЙ ЛОКОМОТИВ

В газетах иногда печатаются объявления о пропавших и находках. Например:

«Неделю назад пристала коза белой масти. Владелец может получить её по такому-то адресу, уплатив умеренное вознаграждение за прокорм».

Если бы работники станции Кузнецк, Куйбышевской дороги, облекли свои горести в форму газетного объявления, оно выглядело бы так:

«Десять лет назад пристал ко двору пятой дистанции пути исправный паровоз Нв № 72. Просим хозяина немедленно забрать его. На умеренное вознаграждение не претендуем».

Кузнецкие железнодорожники уже пытались прибегнуть к помощи газетной публикации. Через дорожную газету и газету «Гудок» они в поисках хозяина паровоза связались со многими железнодорожными инстанциями. Но все в один голос заявляли: паровоз не наш.

В 1951 году Главное управление паровозного хозяйства Мини-

стерства путей сообщения ответило: судя по всему, паровоз принадлежит Министерству электростанций. Однако последнее в этом не призналось.

После долгих и безуспешных поисков кузнецкие товарищи, подобно злополучному паровозу, оказались в тупике. Теперь они готовы как угодно вознаградить владельца, если он обнаружится и освободит их двор от приبلудного локомотива.

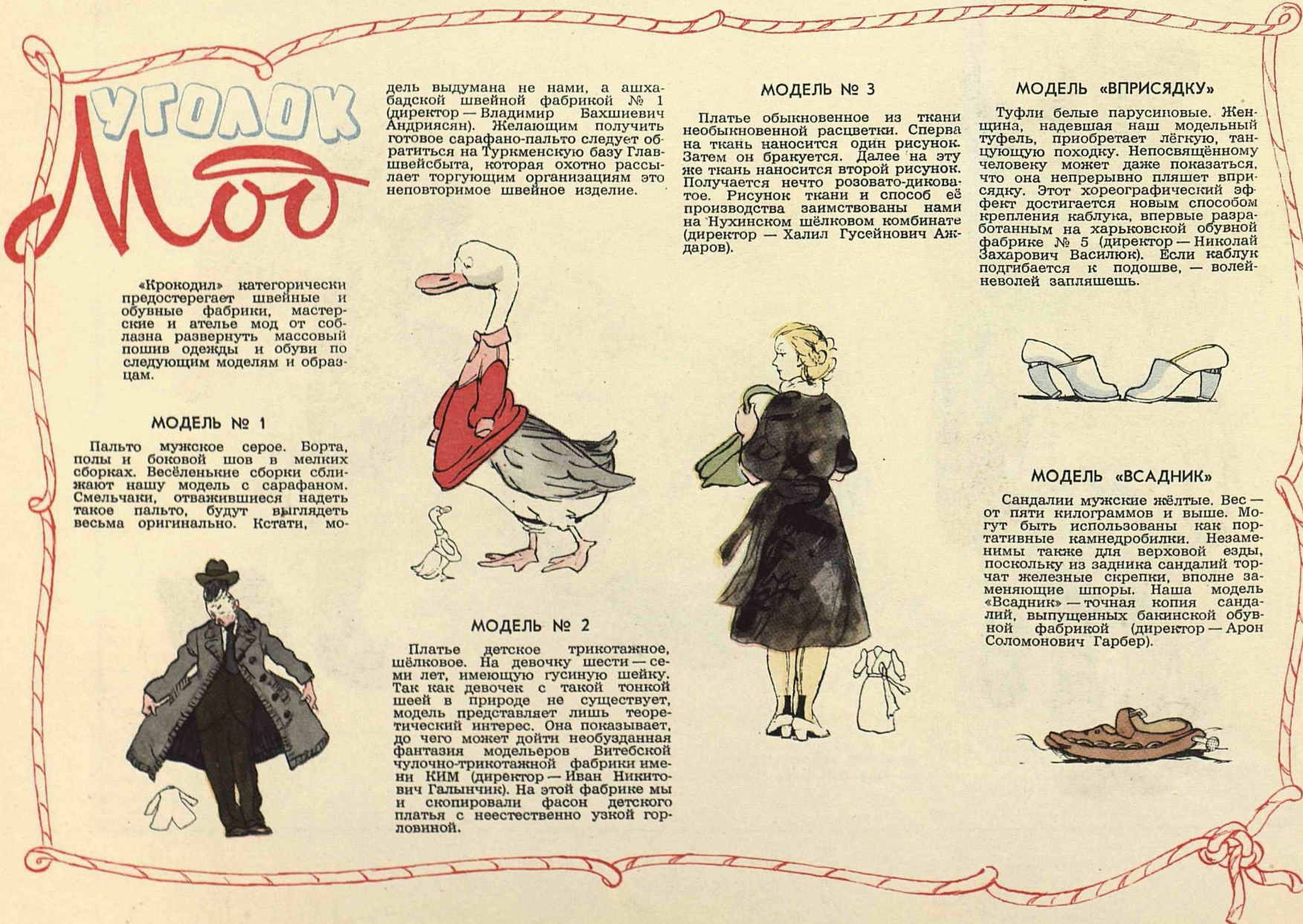
НЕСБРИВАЕМАЯ БОРОДА

Крокодил в № 22 за прошлый год поместил заметку «Вопрос с бородой». Карабалыкский райком партии не замедлил сообщить, что помещенные Дома пионеров, о котором шла речь в заметке, освобождено.

Как будто всё в порядке: сигнал редакции услышан, посторонние организации наконец освободили занятый несколько лет Дом пионеров в посёлке Бурли, Кустанайской области.

На самом деле «Вопрос с бородой» ещё больше оброс. Помещение Дома пионеров действительно освобождено, но в него въехала детская библиотека. А Дома пионеров как не было, так и нет. Имущество его неведомо куда исчезло. Уцелел лишь директор, но и тот занят другой работой, хотя заработную плату получает по смете Дома пионеров.

Интересно всё же, когда откроется Бурлинский Дом пионеров. Может быть, к тому времени его юные посетители успеют отрастить себе бороды?

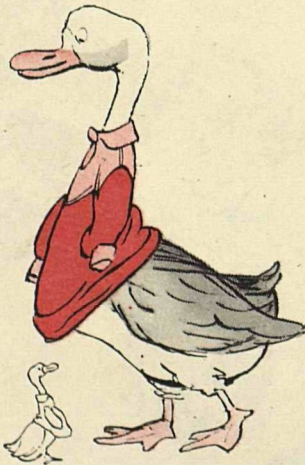
УГОЛОК Мод

дель выдумана не нами, а ашхабадской швейной фабрикой № 1 (директор — Владимир Бахшиевич Андриясян). Желающим получить готовое сарафано-пальто следует обратиться на Туркменскую базу Главшвейсбыта, которая охотно рассылает торгующим организациям это неповторимое швейное изделие.

«Крокодил» категорически предостерегает швейные и обувные фабрики, мастерские и ателье мод от соблазна развернуть массовый пошив одежды и обуви по следующим моделям и образцам.

МОДЕЛЬ № 1

Пальто мужское серое. Борта, полы и боковой шов в мелких сборках. Весёленькие сборки сближают нашу модель с сарафаном. Смелчаки, отважившиеся надеть такое пальто, будут выглядеть весьма оригинально. Кстати, мо-

МОДЕЛЬ № 2

Платье детское трикотажное, шелковое. На девочку шести—семи лет, имеющую гусиную шейку. Так как девочек с такой тонкой шей в природе не существует, модель представляет лишь теоретический интерес. Она показывает, до чего может дойти необузданная фантазия модельеров Витебской чулочно-трикотажной фабрики имени КИМ (директор — Иван Никитович Галынчик). На этой фабрике мы и скопировали фасон детского платья с неестественно узкой горловиной.

МОДЕЛЬ № 3

Платье обыкновенное из ткани необыкновенной расцветки. Сперва на ткань наносится один рисунок. Затем он бракуется. Далее на эту же ткань наносится второй рисунок. Получается нечто розовато-дикватое. Рисунок ткани и способ её производства заимствованы нами на Нухинском шелковом комбинате (директор — Халил Гусейнович Аждаров).

МОДЕЛЬ «ВПРИСЯДКУ»

Туфли белые парусиновые. Женщина, надевшая наш модельный туфель, приобретает лёгкую, танцующую походку. Непосвящённому человеку может даже показаться, что она непрерывно пляшет вприсядку. Этот хореографический эффект достигается новым способом крепления каблука, впервые разработанным на харьковской обувной фабрике № 5 (директор — Николай Захарович Васильюк). Если каблук подгибается к подошве, — волей-неволей запляшешь.

МОДЕЛЬ «ВСАДНИК»

Сандалии мужские жёлтые. Вес — от пяти килограммов и выше. Могут быть использованы как портативные камнедробилки. Незаменимы также для верховой езды, поскольку из задника сандалий торчат железные скрепки, вполне заменяющие шпоры. Наша модель «Всадник» — точная копия сандалий, выпущенных бакинской обувной фабрикой (директор — Арон Соломонович Гарбер).

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Полюбуйся на это дивное произведение искусства. Жители нашего города уж и не припомнят, когда статуя лишилась своих рук.

Но председатель городского совета тов. Глушко никак не решится убрать это чудовище из детского сквера, где оно стоит.

Может быть, тов. Глушко бережёт искалеченную статую как пугало для непослушных детишек?

Для этой цели, дорогой Крокодил, она очень подходит!

Ю. МОГИЛА

г. Россошь,
Воронежской области.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Перед тобой дверь, за которой сидит автор этого небезинтересного объявления — председатель нашего шахткома тов. Чернышёв. Надо прямо сказать, профсоюзная работа под его руководством оставляет желать много лучшего, а потому жалоб от рабочих поступает немало.

«Как уменьшить количество жалоб?» — долго размышлял тов. Чернышёв.

И вот единым росчерком пера он решил исправить положение.

— Если нет при тебе профсоюзного билета, не обращай в шахтком, не жалуйся!

Теперь от горняков жалоб стало поступать как будто меньше, но профсоюзная работа от этого нисколько не улучшилась.

На что, дорогой Крокодил, мы и вынуждены горько пожаловаться тебе.

И. ВРУБОВ

г. Красный Сулин,
Ростовской области.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Посмотри, как довольно улыбается едущий в санях! Ещё бы не улыбаться — он едет в гости! Тем более, хозяин начальник разъезда Каран Уфимской железной дороги тов. Поздеев так радушно его встречает, что даже железнодорожное полотно ему предоставил:

— Дорога, как скатерть, садись и катись!

Гостеприимство, конечно, — весьма похвальный обычай, да жаль, что тов. Поздеев чересчур им увлёкся и совершенно забыл о соблюдении правил технической эксплуатации, а ведь об этом надо заботиться не меньше, чем о дорожных гостях!

Л. СЛУЦКИЙ

г. Уфа.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Известно ли тебе, что руководитель треста «Харьковтопстрой» тов. Полтавец и инженер Стройуправления треста № 1 тов. Бакалейников являются творцами нового метода восстановления зданий?

Учебный корпус нашего техникума они начали восстанавливать пять лет назад, а бытовой — девять. За это время уже успели обвалиться нарнызы фасада и потолки в цокольном этаже учебного корпуса, отремонтированные ими в 1951 году.

Таким образом, в ближайшее же время Стройуправлению придётся восстанавливать восстановленное.

Не пора ли положить конец этому методу, уводящему в бесконечность?..

Редакция стенгазеты
«Крокодил» техникума
промышленного транспорта.

г. Харьков.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

♦ На станции Запрудовка, Южно-Уральской железной дороги, задерживались грузы, предназначенные для великих строек коммунизма.

Об этом писал Крокодил в заметке «Запруды перед плотинами» (№ 29, 1952 год). Заметка обсуждалась на заседании партийного бюро станции Запрудовка. В результате принятых мер в настоящее время грузы отправляются без задержки.

♦ В том же номере в разделе «Как ни странно, но...» говорилось о том, что в колхозе имени Кирова, Сорокинского района, Тюменской области, с ведома агронома Оборванышева были розданы колхозникам для побелки домов три тонны суперфосфата.

За безответственное отношение к выполнению своих обязанностей и использование минеральных удобрений не по назначению тов. Оборванышев освобождён от занимаемой должности.

Председателю колхоза тов. Анзюлевичу, бригадиру тов. Волкову и бывшему агроному тов. Оборванышеву предложено возместить понесённые колхозом материальные убытки.

♦ В фелетоне «Феодал из «Заготскота» (Крокодил № 2, 1953 год) писалось о многоженце и стяжателе, расхитителе государственных средств — управляющем Мирзачульской районной конторой «Заготскот» Хайтметове. Ишанкул Хайтметов исключён из членов КПСС, снят с работы и привлечён к уголовной ответственности.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВалов, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКОВ (М. КУПРИАНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 243. Подписано к печати 31/III 1953 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 01085. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 814. Тираж 350 000 экз.

...ОН ИМЕЛ ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ:
Одну — на собрании,

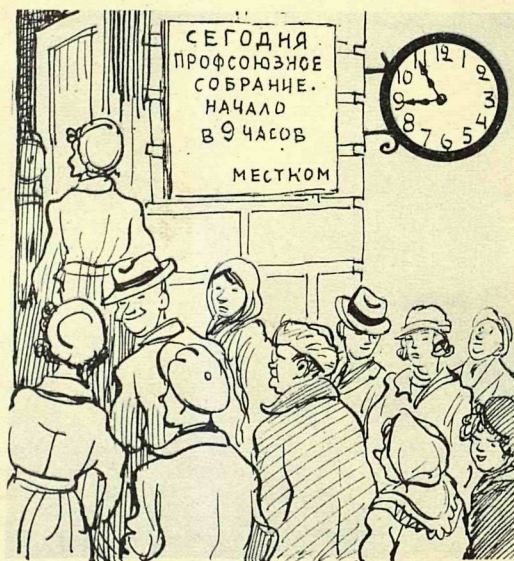
...У НЕГО БЫЛО ДВА ОТЧЕТА:
Один — фактический, а другой — для треста.

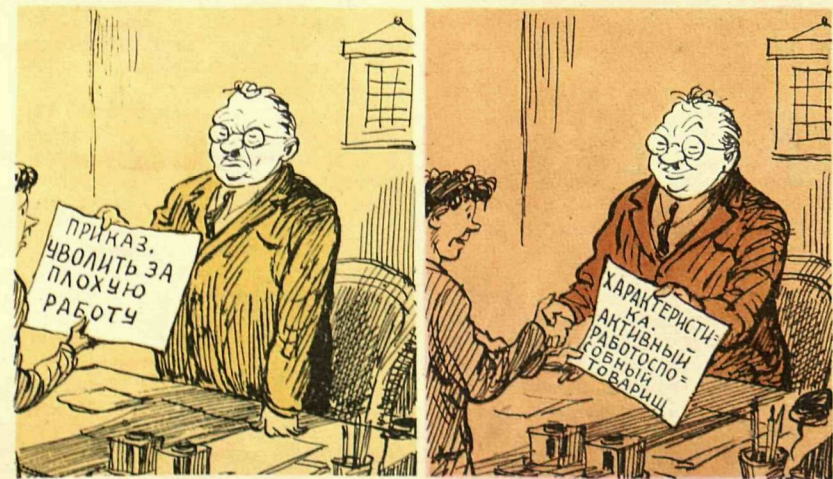
а другую — дома.

ТОВАРИЩ ЯНУСОВ
БЫЛ ЧЕЛОВЕК ДВУЛИКИЙ,
А ПОТОМУ...

...ОН ПРЕДПОЧИТАЛ ДВЕ ДИСЦИПЛИНЫ:
Одну — для всех сотрудников,

...ОН ДАВАЛ СОТРУДНИКАМ ДВЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ:
Одну — при увольнении, а другую — для поступления на новую работу.

а другую — для себя.